

УДК 94(47).084.8:7.011(084.1)

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-5/2-70-73

ОГАРКОВА Елена Владимировна,
кандидат исторических наук, доцентOGARKOVA Elena Vladimirovna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor**«СМЕЯСЬ, МЫ ЗАБЫВАЛИ ОБ УГРОЗЕ
СМЕРТИ...». САТИРА, ЮМОР, СМЕХ НА
СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ****«DURING THE TIME WHEN WE WERE
LAUGHING, WE FORGOT ABOUT THREAT OF
DEATH ...». SATIRE, HUMOUR, LAUGHTER
ARE ON PAGES OF PERIODICALS**

Статья посвящена малоизученной теме смеховой культуры в период Великой Отечественной войны. Источниками изучения таких феноменов культуры, как сатира и юмор, являются произведения публицистической графики и фронтовые рисунки, опубликованные в центральных и фронтовых газетах. Журналисты понимали, что чем ближе к фронту находились читатели, тем более живым и эмоциональным должен быть тон и материалы газеты. Выполняя задачи пропаганды, художники отдавали предпочтение «злому юмору». Плакаты и карикатуры вызывали ненависть и желание отомстить врагу. Но часть изображений, опубликованных в газетах 1941–1945 гг., вызывала улыбку и лирическое настроение, помогая сохранить гуманизм и сопротивляться ужасам войны. Автор статьи делает вывод о широком диапазоне возможностей журналистов и художников выполнять пропагандистские задачи и одновременно работать на будущее. Искусство периода Великой Отечественной войны поддерживало этические нормы человеческой личности и общества.

Article is devoted to an insufficiently studied theme of humorous culture during the Great Patriotic war. Sources of studying of such phenomena of culture as the satire and humour are products publicistic schedules and the front figures published in the central and front newspapers. Journalists understood that than closer to front there were readers, and emotional tone and materials of the newspaper should be especially alive. Carrying out tasks of propagation, artists preferred «malicious humour». Posters and caricatures caused hatred and desire to take vengeance on the enemy. But a part of the images published in newspapers in 1941-1945 caused a smile and lyrical moods helping to keep humanism and to resist to horrors of war. The author of article judges a wide range of opportunities of journalists and artists to carry out propaganda tasks and simultaneously to work on the future. Art of the period of the Great Patriotic war supported ethical standards of the human person and a society.

Ключевые слова: советская культура 1941-1945 гг., визуальные исторические источники, периодическая печать во время Великой Отечественной войны, сатира и юмор.

Keywords: the Soviet culture in 1941-1945; visual historical sources; periodicals during the Great Patriotic war; satire and humour.

***Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках гранта 15-46-02151 «Сатира, юмор, смех в культуре периода
Великой Отечественной войны. Визуальные источники»***

Смеховая культура – мощный духовный ресурс любого народа. Во время войны смех присутствовал в повседневной жизни человека. «Смеясь, мы забывали об угрозе смерти, которая ежечасно нас подстерегала, становилось легче жить, появлялись оптимизм и вера...» [10, с. 191].

Одним из источников изучения сатиры и юмора периода Великой Отечественной войны является периодическая печать. Специфика данного вида источников заключается в пристальном внимании органов цензуры к политической благонадежности выпускаемой печатной продукции. Цензуре подвергались не только тексты, но и изображения. Поэтому опубликованные материалы, призванные вызывать у читателей газет улыбку, можно отнести к разряду «легитимного» смеха.

Во-вторых, уже в начале войны произошла структурная перестройка средств массовой информации. Количество газет резко снизилось, тиражи оставшихся были сокращены, уменьшены форматы и периодичность выпусков. Это выдвинуло особые требования к качеству публикуемых материалов, отбору текстов и изображений, способных максимально эффективно воздействовать на читателей и выполнять несколько задач одновременно. Такими глубокими по содержанию и запоминающимися были плакаты, карикатуры и репортажная графика.

Публицистическая графика способна решать эстетическими средствами вневзвешенные задачи. Используя свойственную природе графического искусства органичность авторского суждения и эмоциональной выразительности, художники успешно осуществляют агитационно-пропагандистские задачи. Движение линии воспринимается «как зримое движение чувства... Здесь чрезвычайно активно действует личное, авторское начало» [12, с. 20]. И это то, в чем особенно нуждались люди в условиях максимального напряжения духовных и физических сил.

В неопубликованных послевоенных мемуарах Г.К. Кривобок, редактор газеты Сталинградского Обкома ВКП(б) и ГКО «За Родину», рассказывает, что когда газета перебазировалась в район Тракторного завода на место четвертого рубежа обороны у стен Сталинграда, «не теряя времени, мы в редакции коллективно наметили главные, на наш взгляд, направления в ра-

боте. Кажется предусмотрели все: пропаганда героизма, вопросы патриотического воспитания, организации партийной работы, советы и консультации как строить окопы, траншеи, дзоты, возводить противотанковые рвы, создавать проволочные заграждения». Редактор принес эти тезисы военному комиссару Водолагину, тот, ознакомившись, сказал: «Есть все и нет главного. Некоторая часть строителей и бойцов ополчения теряется во время вражеской бомбежки города. Надо в считанные дни поднять моральный дух мобилизованного населения... Газета может и должна создать среди народного ополчения боевую приподнятость, постоянную готовность к бою. Вам виднее как это лучше сделать...» (Орфография источника сохранена) [8].

Журналисты и художники периодической печати восприняли социальный заказ общества и, лавируя между «молотом» пропаганды и «наковальней» войны, наполнили газетные страницы эмоциями гнева и страдания, триумфа и радости.

Центральная периодика более официозная, менее свободная и вариативная в передаче разнообразия чувств и эмоций. «Правда» и «Известия» задавали основные направления и тон идейно-политической пропаганды. К произведениям публицистической графики они обращались крайне редко, отдавая предпочтение фотоматериалам. «Красная звезда» и «Комсомольская правда», которые читали молодые люди на фронте и в тылу, отличаются значительно большей живостью и, если можно сказать, зрелищностью материалов. Значение «живого слова» и художественного изображения осознавались еще больше, чем ближе к передовой находились журналисты. И хотя красноармейские газеты обладали в разы меньшими материальными и творческими ресурсами, они оставляют впечатление более оперативных, убедительных в воссоздании атмосферы, ритмов, бытовых и психоэмоциональных нюансов фронтовых будней.

Из многих градаций комического эффекта, достигаемого при помощи изображений, советская периодика отдавала предпочтение «злому юмору». На переломе войны наиболее актуальна пропаганда ненависти и жажда отмщения за страдания своего народа, своей страны. Ведущий советский карикатурист Б.Е. Ефимов в многочисленных карикатурах, посвященных Сталинградской битве, выразил преобладающие и культивируемые всеми формами пропаганды настроения по отношению к оккупантам [1; 4; 5].

Художник «Комсомольской правды» В. Щеглов в экспрессивной манере визуализировал главный лозунг Сталинградской битвы: «Дальше ни шагу! Останови!» [13, с. 1]. По мере обострения ситуации на фронте образное решение плакатов В. Щеглова становится более агрессивным. «Хочешь жить – убей немца!» – лозунг одного из них в номере от 4 августа 1942 г. Эстетика большинства из визуальных материалов апеллирует к образам, вызывающим отвращение. Враг безобразен. Совокупным усилием армии и тыла он побежден, насажен на «кол» советского штыка, например, как в карикатуре В. Брисина и С. Розановой «Цель одна» [6, с. 1].

Еще более беспощадна сатира красноармейских газет. Форсируя наступательный порыв Красной Армии с ноября 1942 г. журналисты и художники поддерживают на максимальном градусе ненависти справедливое возмущение фактами мародерства, издевательств над военнопленными красноармейцами и мирными жителями. Подобные публикации снимали нравственные запреты на убийство человека, если это враг, преступивший законы человечности, утративший право называться человеком. В период Великой Отечественной войны гротескное изображение противника, проколотого штыком, многократно повторялось и варьировалось, демонстрируя активность внушающей силы искусства, виртуально возрождавшего древние формы ритуального убийства врага, когда страстно мечталось, если «не силой оружия, то могучей властью слова (и изображения – О.Е.) остановить это наваждение – фашизм» [2, с. 308].

Любопытны случаи изобразительных казусов и опечаток, которые вызывали смех и этим создавали обратный от желаемого эффект, позволяя реализоваться критическому настрою читателей по отношению к навязчивой пропагандистской риторике и информации, не соответствующей реальному положению дел. Так в рисунке-плакате «За Родину! За Сталина!» [14] фронтовой художник компенсирует недостаток мастерства энергией и искренностью. Изображена традиционная сцена атаки трех родов войск - пехота, танки, самолеты, символизирующих Красную Армию. На переднем плане показан командир, увлекающий бойцов вперед. Но так как в его правой руке изображено знамя, то пистолет пришлось рисовать в левой руке, что конечно нелепо в реальном бою. В этом же рисунке, из-за малых возможностей качественно воспроизвести изображение при печати, лица Сталина и Ленина, показанные на развевающемся знамени, получились со смешными курносими носами, маленькими глазами и карикатурно низкими лбами. Видимо строжайший контроль, действовавший в отношении изображений и текстов о вождях государства, не мог полноценно осуществляться во фронтовой периодике. Но известны факты сурового наказания за выявленные опечатки. Например, пропуск буквы «р» в слове Сталинград или замена буквы «т» на букву «р» в имени Сталин [7, с. 89].

Невербальным способом коммуникации убеждения, использующим положительные, а не отрицательные эмоции, можно считать публикации карандашных и фото портретов улыба-

ющихся советских людей. Во многих газетах были популярны серии рисунков о своем «Василии Теркине». Вася Штык, Иван Гвоздев, Гриша Танкин, боцман Захар помогали солдатам вытерпеть тяготы и испытания фронтовой жизни [9, с. 100]. В блокадном Ленинграде родилась серия рисунков-плакатов для Окон ТАСС «Тетя Даша на посту», авторы: художники В. Сыщенко и Н. Игнатьева, поэт О. Бергольц. «Ленинградка тетя Даша, деловитая, неунывающая, не робкого десятка, была чем-то сродни образу Василия Теркина» [11, с. 72].

Наряду с дружескими шаржами, сериями рисунков о храбрых персонажах солдатского фольклора печатали зарисовки фронтовых будней, вызывающие лирические, сентиментальные настроения. Подобные примеры «добротного» смеха способствовали сохранению человеческого в человеке, поддерживали способность к состраданию и восприятию не только очевидно смешного, но более тонкое чувство «трогательного», способность не просто удивляться, а «умиляться», смягчать свое сердце. Хотя в газетах это встречается значительно реже агитационных материалов.

Выходящие за пределы прямых пропагандистских задач, юмор и смех военного времени были, на наш взгляд, своеобразным лекарством, позволявшим на каком-то высоком уровне сознания иногда «не замечать войну», игнорировать ее разрушительные для психики последствия, погружаться в моменты «не войны». «...попытайтесь представить себе Сталинград весны и лета 1943 года. Огромный, разрушенный до последнего дома. Гнетущая темень по вечерам. На фоне по-южному ясного неба – руины немислимых форм и очертаний. Они полны приглушенных, только в ночной тишине слышных звуков – скрипа, стука, шороха. Чудится, что мертвые развалины шевелятся. "Жилища" сталинградцев той поры – закутки в разрушенных домах, подвалы, блиндажи, землянки-норы. И это еще не все. Сошли снега, и глазам предстали ужасающие подробности боев... не только в степи, в оврагах и балках, но и на улицах, в переулках, подвалах. Не было цеха, дома, школы, при разработке завалов в которых девчата и парни не обнаруживали бы убитых или погребенных заживо. И не редко гибли сами.... Поддержать людей, сделать так, чтобы и в этих невообразимых условиях они могли жить и работать – забота первейшая» [3, с. 221–222].

Рассмотренные примеры проявления смеховой культуры на страницах периодической печати свидетельствуют о широком диапазоне возможностей творческой интеллигенции в решении как насущных пропагандистских задач, так и для более глубокой и долгосрочной работы по воспитанию чувств и поддержанию нравственных основ человеческой личности и общества, столкнувшихся с испытаниями войной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антифашистская графика времен войны. – М.: Рейттарь, 2003. – 80 с.
2. Боров Ю.Б. Социалистический реализм: взгляд современника и современный взгляд. – М.: АСТ: Олимп, 2008. – 478 с.
3. Деветьяров К. «Комсомолка» в Сталинграде. / Все было так... – М.: Мысль, 1991. – С. 212–229.
4. Ефимов Б.Е. Котельная // Крокодил. – 1942. – № 38.
5. Ефимов Б.Е. Личные счета // Огонек. – 1942. – № 40.
6. Комсомольская правда. – 1942. – №159 (9 июля). – С. 1.
7. Костырченко Г.В. Советская цензура в 1941–1952 годах // Вопросы истории. – 1996. – № 11–12. – С. 87–94.
8. Кривобок Г.К. Историко-биографический очерк «На защиту родного города». Машинописная рукопись. 1975 г. Фонд Музея-заповедника «Сталинградская битва». Ивн. № 6684 нвф. Л. 5.
9. Можуховская Е.В. На огневых рубежах. Московские художники фронтовой печати 1941–1954. – Л.: Художник РСФСР, 1972. – 170 с.
10. Никулин Ю. Почти серьезно. – М.: Пресса, 1992. – 576 с.
11. Пинегина Л.А. Художественная культура как фактор Великой Победы 1941-1945. – М.: Диалог – МГУ, 1997. – 260 с.
12. Полевой В.М. О социально-эстетических особенностях массовой политической графики // Советское искусствознание–77. – № 2. – М.: Советский художник, 1978. – С. 18–33.
13. Стихотворение С. Кирсанова. // Комсомольская правда. – 1942. – №172 (24 июля). – С. 1.
14. Сын Отечества. – 1942. – Сентябрь.

REFERENCES

1. Anti-fascist wartime schedule [Antifashistskaya grafika vremen vojny]. Moscow, Reyttar, 2003. 80 p.
2. Borev Yu.B. Socialist realism: a contemporary look and modern look [Sotsialisticheskij realizm: vzglyad sovremennika i sovremennyj vzglyad]. Moscow, AST: Olimp, 2008. 478 p.
3. Devet'yarov K. «Komsomolskaya Pravda» in Stalingrad [«Komsomolka» v Stalingrade]. It was all so ... [Vse bylo tak...]. Moscow, Thought, 1991. pp. 212-229. (in Russ.).
4. Efimov B.E. Boiler house [Kotel'naya]. Krokodil, 1942, no.38. (in Russ.).

5. *Efimov B.E.* Personal account [Lichnye schety]. *Ogonyok*, 1942, no.40. (in Russ.).
6. *Komsomol'skaya Pravda*, 1942, no.159 (9 July), p.1. (in Russ.).
7. *Kostyrchenko G.V.* Soviet censorship in 1941–1952 [Sovetskaya tsenzura v 1941 – 1952 godakh]. *Voprosy istorii*, 1996, no.11-12, pp.87-94. (in Russ.).
8. *Krivobok G.K.* Historical and biographical essay «In defense of his native city». Typewritten manuscript. 1975 [Istoriko-biograficheskij ocherk «Na zashhitu rodnogo goroda». Mashinopisnaya rukopis'. 1975 g.]. *Foundation Museum «Battle of Stalingrad»*. IVN. 6684 number of illegal armed groups. L. 5.
9. *Mozhukhovskaya E.V.* On the firing line. Moscow artists front Print 1941 – 1954 [Na ognevnykh rubezhakh. Moskovskie khudozhniki frontovoj pečati 1941 – 1954]. *Leningrad, Artist of the RSFSR*, 1972. 170 p.
10. *Nikul'in Yu.* Almost seriously [Pochti ser'ezno]. *Moscow, PRESS*, 1992. 576 p.
11. *Pinegina L.A.* Art culture as a factor of Victory 1941-1945. [Khudozhestvennaya kul'tura kak faktor Velikoj Pobedy 1941-1945.]. *Moscow, Dialogue - the MSU*, 1997. 260 p.
12. *Polevoj V.M.* On social and aesthetic features of the mass political graphics [O sotsial'no-ehsteticheskikh osobennostyakh massovoj politicheskoi grafiki]. *Sovetskoe iskusstvoznanie – 77, no.2. Moscow, Soviet artist*, 1978, pp. 18-33. (in Russ.).
13. The poem S. Kirsanov [Stikhotvorenie S. Kirsanova]. *Komsomol'skaya Pravda*, 1942, no.172 (24 July), p. 1. (in Russ.).
14. *Syn Otechestva*, 1942, September. (in Russ.).

Информация об авторе

Огаркова Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры русского языка, «Волгоградский государственный технический университет», Волгоград, Россия
elen-ogarkova@yandex.ru

Получена: 17.06.2015

Information about the author

Ogarkova Elena Vladimirovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Chair of Russian language, Volgograd State Technical University, Volgograd city, Russia
elen-ogarkova@yandex.ru

Received: 17.06.2015